

ПРОБЛЕМЫ РАЗМЕЩЕНИЯ И СОДЕРЖАНИЯ ИНОСТРАННЫХ
ВОЕННОПЛЕННЫХ НА ТЕРРИТОРИИ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ
В 1943–1947 гг.

М.Н. Потемкина, А.Е. Любецкий

*Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова,
Магнитогорск,
mpotemkina@mail.ru, artyoml@list.ru*

Аннотация. Гуманитарные проблемы, связанные с идентификацией личных данных и установлением мест захоронений умерших в плену военнослужащих, имеют важное политическое значение для поддержания благоприятного климата межгосударственных отношений. Статья посвящена проблемам нахождения иностранных военнопленных на территории Челябинской области в 1943–1947 гг. Несмотря на значительное количество исследований по проблемам военного плена в отечественной и мировой науке, данные по южноуральскому региону не введены в научный оборот. Источниковую основу исследования составили документы Российского государственного военного архива, Государственного архива РФ, опубликованные материалы по истории военного плена. Авторы проанализировали количественный и качественный составы военнопленных, режим и условия их содержания в лагерях, медицинское обслуживание, уровень смертности и заболеваемости среди военнопленных и интернированных, описали процессы их репатриации. Численность иностранных военнопленных и интернированных, прошедших через лагерь, дислоцированные на территории Челябинской области, определена в 101 000 человек, основную долю которых составили немцы, румыны, венгры и австрийцы. В статье сделан вывод о том, что Советское руководство в целом стремилось выполнять международные акты по содержанию военнопленных; региональная специфика, на наш взгляд, не играла существенной роли. Региональную специфику содержания военнопленных вражеских армий определили: отдаленность Южного Урала от театра военных действий и наличие в области крупных промышленных предприятий.

Ключевые слова: Вторая мировая война, военнопленные, Челябинская область, условия содержания, репатриация

Потемкина Марина Николаевна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой Всеобщей истории МГТУ им. Г.И. Носова.

Любецкий Артем Евгеньевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры Всеобщей истории МГТУ им. Г.И. Носова.

Введение

На протяжении всей военной истории человечества плен являлся неотъемлемой частью межгосударственных вооруженных конфликтов, однако вплоть до начала XX века оставался второстепенным аспектом ведения военных действий. В Первую мировую войну плен приобрел массовый характер и многофункциональное значение для воюющего общества. Военнопленные начали использоваться как дешевая рабочая сила, фактор давления на противника и инструмент дисциплинирования гражданского населения. Предельно ожесточенный характер Второй мировой войны погряз традиции воинской чести. Политические и военные руководители стран-агрессоров превратили плен в продолжение войны. Отличительной чертой Второй мировой войны на Восточном фронте стало влияние расовой теории и тоталитарного режима государств на содержание вражеских солдат и офицеров.

По немецким данным, в германском плену в 1941–1945 гг. находилось более 5,7 млн. советских военнопленных, из которых 3,3 млн. погибли. В свою очередь, СССР, согласно отечественным источникам, захватил в плен свыше 4,3 млн. иностранных военнослужащих, из которых погибло более 580 тыс. чел.¹

Тема военного плена на сегодняшний день является актуальной в аспекте критерия гуманности современной цивилизации. Гуманитарные проблемы, связанные с идентификацией личных данных и установлением мест захоронений умерших в плену военнослужащих, имеют важное политическое значение для поддержания благоприятного климата межгосударственных отношений.

Несмотря на прошедшие годы, которые отдаляют нас от окончания Второй мировой войны, продолжается всестороннее осмысление данной проблемы. До начала 1990-х гг. архивные документы по этой теме в российских архивах были засекречены и исследование проблемы иностранного военного плена было табуировано. В начале 1990-х гг. в стране вышли первые работы по истории советского плена, выполненные на материалах бывшего «Особого архива» СССР (сегодня РГВА). Прежде всего, необходимо назвать работы В.П. Галицкого, посвященные политике СССР в отношении военнопленных, участию военнопленных в антифашистском движении, их трудоустройству, а также положению в СССР военнопленных иностранных армий.

С 2000-х гг. произошел всплеск интереса к данной теме. Среди российских исследований этого периода можно выделить работы В.Б. Конасова, А.Л. Кузьминых и научную публикацию архивных документов и материалов, освещающих пребывание пленных военнослужащих иностранных армий на территории СССР в период 1939–1956 гг.²

В 1990-х гг. началось исследование проблемы военнопленных и в российских регионах. В научный оборот были введены ранее неизученные данные, которые позволили по-новому подойти к интерпретации и осмыслению общероссийской истории, объективно освещать проблемы военного плена, обсуждать их на международных форумах. Уральская региональная историография представлена ра-

¹ Загоруйко 2000, 11–12.

² Конасов 2002; Кузьминых 2012, 158–174.

ботами В.П. Мотревича, А.С. Смыкалина, Н.В. Суржиковой³, Е.К. Рожковой⁴. Что касается Челябинской области, то на сегодняшний день имеются несколько «точечных» публикаций по заявленной тематике⁵.

В зарубежной историографии периода «холодной войны» преобладала тоталитаристская парадигма изучения прошлого, в соответствии с которой советское руководство целенаправленно осуществляло истребление захваченных в плен военнослужащих⁶. В 2000-е гг., наряду с ней, имеет место и другая оценка военного плена в СССР. Так, А. Хильгер, исследуя жизнь немецких военнопленных в СССР с 1941 по 1956 гг., пришёл к выводу об объективных причинах смертности военнопленных⁷. Их положение определялось тяжёлым социально-экономическим положением СССР в этот период. Среди зарубежных исследователей следует также отметить Оверманса Р.⁸; Бишофа Г.⁹ и Мика Христофа¹⁰, которые рассматривали деятельность немецких специалистов, работавших на советскую оборонную промышленность в 1945–1959 гг.

В целом, социально-экономические проблемы иностранных военнопленных на территории Челябинской области в 1943–1947 гг. пока не стали предметом специального исследования российских и зарубежных историков.

Целью нашего исследования стало определение количественного и качественного состава военнопленных в лагерях Челябинской области, характеристика их режима содержания, выявление типичных и особенных черт содержания иностранных военнопленных в регионе. Первостепенное внимание к статистике обуславливается тем, что по нашему региону она практически не введена в научный оборот. В качестве источниковой основы исследования выступили архивные документы Российского государственного военного архива, Государственного архива РФ, опубликованные документы.

Размещение и содержание иностранных военнопленных

Прежде чем говорить о процессах, происходивших с военнопленными, необходимо определиться с терминами. Военнопленные – лица, принадлежащие к вооружённым силам, входящие в ополчения, добровольческие отряды, участники организованного движения Сопротивления, восставшее население, а также медицинский, юридический, интендантский персонал, корреспонденты и другие лица, оказавшиеся во власти неприятельской воюющей стороны¹¹.

На Урал военнопленные стали поступать в конце 1942 года. Их начали размещать в непосредственной близости к индустриальным центрам. В 55 лагерях и 23 спецгоспиталях содержалось свыше 250 тысяч человек. На территории Челябинской области за все время 1940-х–1950-х годов находилось 12 лагерей для

³ Суржикова 2006.

⁴ Рожкова 2002.

⁵ Макарова 2016, 83–96.

⁶ Hoffmann 1996, 215–216; Бивор 1999, 422–423.

⁷ Hilger 2000.

⁸ Overmans 2000.

⁹ Bischof 2005.

¹⁰ Mick 2000.

¹¹ Плехов, Шапкин 1988.

военнопленных, 1 спецгоспиталь и 7 рабочих батальонов¹². Всего в Челябинской области через лагеря для военнопленных за годы войны прошло более 101 000 иностранных военнопленных и интернированных (на Урале более 200 000)¹³.

Осенью 1942 г. по приказу НКВД на территории нашей области были организованы первые лагеря для военнопленных в Кыштыме, Челябинске и Аше (№№ 95, 68, 130).¹⁴ В начале 1943 г. сюда стали привозить военнопленных, в основном, с Воронежского, Юго-Западного фронтов и из районов Сталинграда. Сквозная нумерация лагерей в это время еще не была выработана и данная нумерация была временной. Их специфика заключалась в том, что лагеря в Челябинской области стали производственными. Сначала пленные прибывали на станцию Шагол, а потом их перераспределяли по лагерям области.

В 1944 г. на территории области были организованы еще 4 лагеря. Причем, Ашинский лагерь № 130 в марте 1944 г. был передан в управление БАССР. В 1945 г. количество лагерей увеличилось еще на 5.

Структура УПИ по Челябинской области после реорганизации в марте 1947 г. в соответствии с Приказом МВД СССР № 00259 стала включать в себя следующие отделы: отдел кадров, оперативный отдел (чекистская, антифашистская работа), отдел охраны и режима, учетный отдел, планово-производственный отдел, отдел общего и технического снабжения, сельскохозяйственный отдел, центральная база снабжения, медицинский отдел, центральная аптекобаза, автобаза, финансовый аппарат. До реорганизации существовало еще политотделение, которое было упразднено Приказом МВД СССР № 00933 от 19.10.1946 г.¹⁵ Обслуживание и охрану лагерного контингента, в соответствии с приказом МВД СССР № 00259-46г. осуществляли 1135 человек: старших офицеров – 13, средних офицеров – 310, сержантский состав – 34, рядовой вахтерский состав – 325, лица без званий, но на офицерских должностях – 385, вольнонаемные – 48. Образовательный и профессиональный уровень кадрового состава был невысок: низшее образование – 45%, неполное среднее – 32%. Даже среди начальников лагерных отделений 60% не имели специальной подготовки, 28% – с низшим образованием. В апреле 1948 г. за злоупотребление служебным положением, пьянство и бытовое разложение был снят с должности и исключен из партии начальник УПВИ Челябинской области подполковник Тюрин. Новым начальником УПВИ УМВД Челябинской области был назначен подполковник Борисов¹⁶.

Принципиально важным является вопрос анализа статистических данных о количественном и качественном составе контингента военнопленных и его динамике. Самыми крупными по численности контингента стали лагеря г. Челябинска, г. Магнитогорска, станции Таянды. Одним из самых многочисленных лагерей был лагерь № 257 в Магнитогорске. Первоначально лимит военнопленных в 2-х отделениях был определен 6100 человек, но 7 июля 1945 года его повысили до 11500 человек¹⁷. Они должны были быть распределены по 6 отделениям и трудиться на

¹² Яловенко 2014/1, 6.

¹³ Мотревич 1998, 120.

¹⁴ Загорулько 2000, 564.

¹⁵ РГВА. Ф.59/п. Оп. 41. Д.1. Л. 1.

¹⁶ РГВА. Ф.59/п. Оп. 41. Д.1. Л. 5.

¹⁷ Яловенко 2014/3, 173.

строительстве городских объектов и ж/д станций Магнитогорска и Карталов, а также объектов ММК. Аналогичный лимит численности был в лагере, который располагался на станции Таянды.

С мая 1946 по январь 1950 гг. в нашу область прибыло 46 983 человек, убыло – 46 943 человек. Состав военнопленных поражает своим разнообразием: возраст от 18 до 50 лет, рода войск от пехоты до СС и жандармерии, 35 национальностей. На 1 мая 1946 г. в Челябинской области находилось: 32 527 немцев (73,5%), 4 300 румын (10,7%), 4769 венгров (9,7 %), 1 968 австрийцев (4,4 %) , 248 поляков. Так же среди лагерного контингента находились русины, сербы, итальянцы, татары, азербайджанцы, литовцы и др.¹⁸ Интересно, что эти цифры почти «зеркально» отражают данные по Среднему Уралу.

Контингент лагерей военнопленных был непостоянным. Причинами изменения численности военнопленных, на наш взгляд, были: медико-санитарное состояние лагерей; заболеваемость и смертность военнопленных; производственная необходимость; положение на фронтах; политика советского государства, ориентированная на международную конъюнктуру, и др.

Типичные условия этапирования военнопленных выглядели следующим образом: товарные вагоны, оборудованные по воинскому типу, с решетками на окнах и унитазами. В вагоне размещалось примерно 35 человек, были вагон-кухня, вагон-изолятор, медикаменты, горячая вода и кипятик в пути следования, паек на 15 суток, одежда по сезону. Перед отправкой происходила комплексная санобработка людей¹⁹.

На местах одним из основных принципов лагерной системы ГУПВИ была изоляция военнопленных. Для обеспечения их охраны вокруг лагерной зоны создавалась сеть инженерных сооружений. Режим и условия содержания военнопленных регулировался серией государственных инструкций, приказов и предписаний. Одним из первых военных приказов стал Приказ НКВД СССР № 0342-41г. и «Положение о военнопленных», которое было утверждено Постановлением СНК СССР № 1798-800с от 1 июля 1941 г., а 13 августа 1941 была принята инструкция «О порядке содержания военнопленных в лагерях НКВД»²⁰. В соответствии с ней в лагерях должен был быть построен деревянный забор высотой 2,5 метра, 3 нитки колючей проволоки, установлена запретная зона (внутренняя и внешняя шириной по 3 метра), вышки, вахта с телефонной связью, электроосвещение по всему периметру. В годы войны людей содержали в землянках, зачастую на голых нарах и в антисанитарных условиях, что противоречило установленным правилам. К началу 1948 г. все военнопленные должны были быть выведены из землянок в бараки, которые оборудовались двухъярусными железными кроватями и нарами вагонного типа с прикроватными столиками и мебелью: стол, стул, шкаф, умывальник. Норма площади была увеличена до 2,1 м² на человека. На территории лагеря постепенно стали оборудовать столовые, осуществлять озеленение лагерной зоны, устанавливая стиральные машины в банно-прачечных блоках, создавать спортивные городки и футбольные площадки, начали работать мастерские по ремонту обмундирования.

¹⁸ РГВА. Ф.59/п. Оп. 41. Д.1. Л. 37.

¹⁹ РГВА. Ф.59/п. Оп. 43. Д. 39. Л. 72.

²⁰ РГВА. Ф.59/п. Оп. 43. Д. 39. Л.21.

Условия содержания военнопленных могли значительно различаться в зависимости не только от расположения лагерных отделений, рода работы, но и от принадлежности к привилегированным категориям. В лучших материальных условиях оказывались квалифицированные специалисты, бригадиры, кухонный персонал, парикмахеры, сапожники, портные, а также представители антифашистских групп. Внутренний распорядок лагерей был подчинен интересам трудоиспользования и сохранения физического состояния военнопленных. На основании директивы МВД СССР № 112 от 7 июня 1947 г. военнопленные функционеры по антифашистской работе, организаторы культурно-массовой работы и пропагандисты, назначенные из числа военнопленных, были освобождены от физической работы, они содержались расконвоированными, питались по полной норме, как занятые на производстве, и получали ежемесячно по 100 руб.²¹ Со второй половины 1947 г. в лагерях были организованы продуктовые ларьки, в которых можно было купить копчености, консервы, сахар и др. продукты за счет денежных средств, выдававшихся как премии. Военнопленные принимали горячую пищу 3 раза в день, а весной в рацион добавлялись дикие растения и зелень (щавель). Калорийность питания в среднем в этот период составила 2400-3900 ккал в день при необходимой норме в 4200 ккал²².

Одним из проблемных вопросов являлось медико-санитарное состояние иностранных граждан в лагерях для военнопленных в Челябинской области. В начальный период войны учет велся неудовлетворительно, несмотря на приказ НКВД СССР от 7 августа 1941 г., в соответствии с которым была утверждена инструкция «О порядке содержания военнопленных в лагерях НКВД»²³. Только начиная с 1944 г. ситуация с учетом больных военнопленных начала меняться. Из 41 833 человек больных было учтено 12 480, ослабленных – 1303. В основном это были заболевшие дистрофией, которая развивалась на почве имевшихся хронических заболеваний и физических недостатков²⁴. Кроме того, при обследовании ряда лагерей было установлено, что отдельные военнопленные в целях уклонения от работы умышленно заболели и наносили себе повреждения. Например, в лагере № 130 в Аше часть военнопленных, будучи выведенными на работу в зимней одежде, умышленно сняли с рук теплые рукавицы, в результате чего получили обморожения пальцев верхних конечностей 2 степени. В этом же лагере были отмечены случаи, когда военнопленные, находящиеся в оздоровительной команде, с целью затянуть время пребывания умышленно выходили на улицу в нижнем белье и в обуви на босую ногу, в результате чего простужались²⁵. Подобные случаи были зарегистрированы и в лагере № 68. Военнопленные Войнгаузер, Эше, Унфрид, Мюллер и Новацкий, находясь на работе в шахте «Карабашуголь», в целях уклонения от работы занимались членовредительством. Военным трибуналом некоторые из них были приговорены к 5 годам ИТЛ²⁶. В Челябинской области для заболевшего контингента был организован центральный лазарет в г. Челябинске

²¹ Вавулинская 2013, 82–88.

²² РГВА Ф. 59/п. Оп. 43. Д. 17. Л. 11.

²³ РГВА Ф. 1п. Оп. 3а, Д. 2, Л. 39-47

²⁴ РГВА. Ф. 59/п. Оп. 41. Д. 1. Л. 8.

²⁵ ГА РФ. Ф. 9401, Оп. 2, Д. 205, т. 14. Л. 146-147 об.

²⁶ ГА РФ. Ф. 9401, Оп. 1, Д. 2435, Л. 195-197

на 1000 коек и спецгоспиталь № 5921 на 500 коек в Магнитогорске²⁷. Каждое лечебное отделение имело санчасть с амбулаторией, зубоучастком, лазаретом на 15-20 коек. Руководством лагерей предусматривался комплекс оздоровительных и противоэпидемических мероприятий: помывка в бане 4 раза в месяц, душ по мере необходимости на производстве, фагирование и вакцинация.

За все время с 1944 по 1949 гг. в Челябинской области в госпиталях умерло 2220 человек военнопленных и интернированных, которые были захоронены на 30 кладбищах. Наиболее неблагоприятным стал 1945 г., который дал 43,4% смертности от умерших за всё время. Смертность в 1946 г. составила 0,9% от общей численности, в 1947 – 0,6%, 1948 – 0,2%²⁸. Общий процент смертности за все время составил 11,4% от больничного контингента. На первом месте среди причин смертности были туберкулез – 33,8% и дистрофия – 22,6%. С конца 1944 г. всех умерших должны были хоронить недалеко от лечебных учреждений на специально отведенном участке, который должен был быть обнесен колючей проволокой. Это делалось для того, чтобы предотвратить разрушения вследствие проникновения на территорию скота и местного населения. Для каждого умершего должна была отводиться отдельная могила. Все данные о захоронении должны были размещаться в «кладбищенской книге». Таковы были правила, которые в силу разных обстоятельств повсеместно нарушались. Отведенные под кладбища участки, если они были, не охранялись, опознавательные знаки на могилах не устанавливались, в одну могилу хоронили несколько трупов, кладбищенские книги велись небрежно и формально, а акты о смерти зачастую не содержали даже причин, вызвавших смерть военнопленного²⁹. Власти, конечно, издавали различные распоряжения, которые должны были навести порядок в этой сфере, но так и не добились серьезных результатов. В 1949 году эти захоронения были переданы местным органам МВД – городским и районным отделам МВД по месту дислокации. Однако к моменту принятия данного решения многих захоронений военнопленных и интернированных уже не существовало, другие же находились в плачевном состоянии. Не случайно в мае 1959 г. руководство МВД и МИД СССР передало посольству ГДР список всего 50 кладбищ, которые находились в более или менее удовлетворительном состоянии.

За допущенные различные нарушения со стороны заключенного, согласно приказу НКВД СССР №0031-1944г. военнопленный направлялся на 1–3 месяца в штрафные подразделения с особым режимом содержания. Согласно архивным данным, в Челябинской области среди контингента было допущено в 1947 г. 1079 нарушений, 1948 – 71, в 1949 – 62. Среди них самыми распространенными стали: хищения имущества и личных вещей (507 раз в 1947 г.), нарушение лагерного режима (162 раза в 1947 г.), нарушение производственной дисциплины (84 раза в 1947 г.), отказ от работы, членовредительство, саботаж, умышленная порча имущества³⁰. Военнопленные изредка пытались совершать побеги, однако успеха они не имели. В некоторых случаях это происходило дважды. В 1946 г. в Челябинской области было совершено 59 побегов, но во всех случаях заключенных вернули

²⁷ Яловенко 2014/4, 6.

²⁸ РГВА Ф.59/п. Оп. 41. Д.1.Л.10

²⁹ Яловенко 2014/3, 22.

³⁰ РГВА Ф.59/п. Оп. 41. Д.1. Л.21.

назад, в 1947 году было совершено 32 побега, но одного человека не удалось разыскать, в 1948 г. 12 человек совершило побег, и только один человека не был найден³¹.

Чаще всего пленные сбегали во время работы на каком-либо объекте. Режим охраны в таких случаях был не особенно жесткий, кроме того, для конвоирования привлекались сами военнопленные, из которых формировали вспомогательные команды. В режимной лагерной зоне охрана была сильнее, поэтому не было ни одного побега, ни эксцесса с применением оружия. За допущенные нарушения к военнопленным применялись следующие виды наказаний: выговор, арест, отправка в штрафное подразделение.

Репатриация военнопленных из Советского Союза началась сразу после окончания войны в Европе и растянулась до весны 1950 г. Осужденные военнопленные и интернированные пробыли в СССР до конца 1956 г. В Челябинской области процесс репатриации военнопленных начался в октябре 1945 – январе 1946 гг. В 1945 г. он проходил менее организованно, чем в последующие годы. Первыми начали отправлять домой транспортабельных румын. 11 сентября 1945 г. во исполнение постановления ГКО было приказано освободить из лагерей ГУПВИ НКВД СССР 40 тыс. военнопленных, «к отправке освобождаемых военнопленных румын приступить с 15 сентября 1945 г. и закончить не позднее 10 октября 1945 г.»³². Челябинская область по этому приказу должна была отправить домой 3730 человек. Они должны были быть обеспечены питанием на 30 суток, достаточным количеством медикаментов и одеты в нормальное обмундирование.

В мае 1947 г. Челябинская область получила квоту на 30 человек «лучших» немцев, которые должны были отправиться домой в первую очередь, а в октябре 1947 г. ГУПВИ по Челябинской области должно было отобрать еще 3000 нетрудоспособных немцев для возвращения их в Германию³³. Комиссия по отбору военнопленных в Челябинской области подвергалась критике со стороны МВД за то, что отправляла домой нетранспортабельных больных. Так, в 1947 г. с 4 эшелонов было снято 124 больных человека.

Всего в период с 1946 по 1949 гг. из Челябинской области было отправлено 63 эшелона с военнопленными³⁴. Их репатриация была в основном завершена осенью 1950 г. Приказом МВД СССР № 00111 от 10.02.1950 г. УПВИ УМВД по Челябинской области было реорганизовано в Отделение по делам военнопленных и интернированных.

Не подлежали освобождению офицеры, служившие в частях СС, СА и СД, а так же все участники зверств. Процессы над ними в СССР стали неотъемлемой частью «правосудия победителей». За весь период Военным Трибуналом было осуждено 942 военнопленных и 22 интернированных, т.е. 964 человека, в том числе по статье 1 Указа Президиума Верховного совета СССР от 19 апреля 1943 г. – 593 человек; по статье 17-1 – 84 человека; по ст. 1 и 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 апреля 1947 г. по ст. 58-6 и 58-14 и др. УК РСФСР – 95

³¹ РГВА Ф.59/п. Оп. 41. Д.1. Л. 22-23.

³² Загорулько 2000, 765.

³³ Загорулько 2000, 806.

³⁴ РГВА. Ф.59/п. Оп. 41. Д.1. Л. 28.

человек; по ст. 193 УК РСФСР – 84 человека³⁵. В ходе судопроизводства имели место многочисленные процедурные нарушения. Во второй половине 1950-х гг. это стало основанием для пересмотра западногерманской юстицией вынесенных в СССР приговоров, а в 1990-х – для реабилитации осужденных российской стороной.

Заключение

Таким образом, на основе изученных источников представляется возможным сделать вывод о том, что через лагеря для военнопленных в Челябинской области за годы войны прошло более 101 000 иностранных военнопленных и интернированных, в основном немцы, румыны, венгры и австрийцы. Советское руководство в целом стремилось выполнять международные акты по содержанию военнопленных, особенно после 1944 г., когда советские войска вступили на территорию Европы. Что касается соответствия содержания военнопленных в СССР нормам международного права и степени гуманизма, то региональная специфика, на наш взгляд, не играла существенной роли, а главной была позиция государства в этом вопросе.

Отдаленность южноуральского региона от театра военных действий и наличие в области крупных промышленных предприятий определили специфику содержания и трудового использования военнопленных вражеских армий.

ЛИТЕРАТУРА

- Бивор, Э. 1999: *Сталинград*. Смоленск.
- Вавулинская, Л.И. 2013: Повседневность плена: иностранные военнопленные в Карелии (1944–1949 годы). *Труды Карельского научного центра Российской академии наук. Серия: Гуманитарные исследования* 4, 82–88.
- Загорюлько, М.М. (ред.) 2000: *Военнопленные в СССР. 1939 – 1956. Документы и материалы*. М.
- Конасов, В.Б. 2002: *Немецкие военнопленные в СССР: историография, библиография, справочно-понятийный аппарат*. Вологда.
- Кузьминых, А.Л. 2012: Советский военный плен и интернирование как историографическая проблема. *Российская история* 3, 158–174.
- Макарова, Н.Н. 2016: Военнопленные в Магнитогорске: особенности повседневной жизни и стратегии выживания (1945–1950). *Российская история* 6, 83–96.
- Мотревич, В.П. 1998: *Военнопленные: Уральская историческая энциклопедия*. Екатеринбург.
- Плехов, А. М. Шапкин, С.Г. (сост.) 1988: *Словарь военных терминов*. М.
- Рожкова, Е.К. 2002: *Иностранные военнопленные и интернированные на Южном Урале в 1943–1950 гг.*: дисс. ... канд. ист. наук. Оренбург.
- Суржикова, Н.В. 2006: *Иностранные военнопленные Второй мировой войны на Среднем Урале (1942–1956 гг.)*. Екатеринбург.
- Яловенко, А.Ф. 2014: *Архипелаг ГУЛАГ в Челябинской области*: в 4 ч. Челябинск.
- Bischof, G., Karner, S., Stelz-Marx, B. 2005: *Kriegsgefangene des Zweiten Weltkrieges. Gefangennahme, Lagerleben, Ruckkehr*. Wein–München.

³⁵ РГВА. Ф.59/п. Оп. 41. Д.1. Л.8

- Hilger, A. 2000: *Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion, 1941–1956: Kriegsgefangenenpolitik, Lageralltag und Erinnerung*. Essen.
- Hoffmann, Y. 1996: *Stalins Vernichtungskrieg 1941–1945*. Munchen.
- Mick, Chr. 2000: *Forschen fuer Stalin. Deutsche Fachleute in der sowjetischen Ruestungsindustrie 1945–1958*. Muenchen.
- Overmans, R. 2000: *Soldaten hinter Stacheldraht: deutsche Kriegsgefangene des Zweiten Weltkriegs*. Berlin.

REFERENCES

- Bivor, E. 1999: *Stalingrad [Stalingrad]*. Smolensk.
- Bischof, G., Karner, S., Stelz-Marx, B. 2005: *Kriegsgefangene des Zweiten Weltkrieges. Gefangennahme, Lagerleben, Ruckkehr*. Wein–Munchen.
- Hoffmann, Y. 1996: *Stalins Vernichtungskrieg 1941–1945*. Munchen.
- Hilger, A. 2000: *Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion, 1941–1956: Kriegsgefangenenpolitik, Lageralltag und Erinnerung*. Essen.
- Jalovenko, A.F. 2014: *Arhipelag GUPVI v Cheljabinskoj oblasti [Archipelago MDPI]*: v 4 ch. Chelyabinsk.
- Konasov, V.B. 2002: *Nemeckie voennoplennye v SSSR: istoriografiya, bibliografiya, spravochno-ponyatiynnyy apparat [German Prisoners of War in the USSR: Historiography, Bibliography, Reference-Conceptual Apparatus]*. Vologda.
- Kuz'minyh, A.L. 2012: *Sovetskiy voennyi plen i internirovanie kak istoriograficheskaya problema [Soviet Military Captivity and Internment as a Historiographic Problem]*. *Rossiyskaya istoriya [Russian history]* 3, 158–174.
- Makarova, N.N. 2016: *Voennoplennye v Magnitogorske: osobennosti povsednevnoy zhizni i strategii vyzhivaniya (1945–1950) [Prisoners of War in Magnitogorsk: features of Everyday Life and Survival Strategies (1945–1950)]*. *Rossiyskaya istoriya [Russian history]* 6, 83–96.
- Motrevich, V.P. 1998: *Voennoplennye: Ural'skaya istoricheskaya enciklopediya [Prisoners of War: Ural Historical Encyclopedia]*. Ekaterinburg.
- Mick, Chr. 2000: *Forschen fuer Stalin. Deutsche Fachleute in der sowjetischen Ruestungsindustrie 1945–1958*. Muenchen.
- Overmans, R. 2000: *Soldaten hinter Stacheldraht: deutsche Kriegsgefangene des Zweiten Weltkriegs*. Berlin.
- Plehov, A.M. Shapkin, S.G. (sost.) 1988: *Slovar' voennyh terminov [Dictionary of Military Terms]*. Moscow.
- Rozhkova, E.K. 2002: *Inostrannye voennoplennye i internirovannye na Juzhnom Urale v 1943–1950 gg. [Foreign Prisoners of War and Internees in the South Urals in 1943–1950 yy.]* Orenburg.
- Surzhikova, N.V. 2006: *Inostrannye voennoplennye Vtoroy mirovoy voyny na Srednem Urale (1942–1956 gg.) [Foreign Prisoners of War of the Second World War in the Middle Urals (1942–1956 yy.)]*. Ekaterinburg.
- Vavulinskaja, L.I. 2013: *Povsednevnost' plena: inostrannye voennoplennye v Karelii (1944–1949 gody) [Everyday Captivity: Foreign Prisoners of War in Karelia (1944–1949 years)]*. *Trudy Karel'skogo nauchnogo centra Rossiyskoj akademii nauk. Seriya: Gumanitarnye issledovaniya [Proceedings of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences. Series: Humanitarian Research]* 4, 82–88.
- Zagorul'ko, M.M. (red.) 2000: *Voennoplennye v SSSR. 1939–1956. Dokumenty i materialy [Prisoners of War in the USSR. 1939–1956. Documents and Materials]*. Moscow.

ALLOCATION AND MAINTENANCE ISSUES OF FOREIGN WAR PRISONERS
IN CHELYABINSK DISTRICT IN 1943–1947

Marina N. Potemkina, Artem E. Lybetskiy

Nosov Magnitogorsk State Technical University, Russia,
mpotemkina@mail.ru, artyoml@list.ru

Abstract. Humanitarian issues associated with the personal data identification and the burial sites clarification of captured war prisoners, play an important role to maintain a favorable environment of international relations. The article is focused on the problem of the presence of foreign war prisoners in Chelyabinsk District in 1943–1947. Although there is a large number of national and world scientific researches on military captivity issues, the data on the South-Ural Region have not been introduced into the scientific circulation. The source base includes the materials from the Russian State Military Archive, State Archive of the Russian Federation, published materials on the history of military captivity and memoirs of eyewitnesses. The authors analyzed the quantitative and qualitative number of war prisoners and civilian internees, their living conditions, medical care, their morbidity and mortality rates as well as described the process of repatriation. The number of foreign war prisoners and internees who were in the camps of Chelyabinsk District amounted to 101 000. The Germans, the Romanians, the Hungarians and the Austrians represented their main part. The study revealed that the Soviet authorities tried hard to accomplish the international requirements concerning the maintenance of war prisoners and the regional specifics did not play a significant role in it. The regional specifics concerning the maintenance of war prisoners was provided by the remoteness of Chelyabinsk District from the war and the large industrial enterprises.

Key words: World War II, war prisoners, Chelyabinsk District, maintenance, repatriation
